

РАЗРЕШИТЕ ВАС СПРОСИТЬ

Говорил не шутя

Он принадлежит к «звездам» нашего балета. Или он, как говорят французы, — этуаль. Такое звание в парижском Пале Гарнье присваивается танцовщикам экстра-класса. Константин Заклинский — из их числа.

Когда в Кировский театр (а он солист его балетной труппы) приезжают выступать знаменитые балерины, то обычно их партнером ставят Заклинского. Так было во время гастролей французенки Сильвии Гиллен. Тогда на «Лебединое озеро» и «Дон Кихота» пытался попасть «весь свет». Что говорить, дуэт получился блистательным: Сильвия была экспрессивна и технически экзотична, но лидером в мастерстве и сценической культуре выглядел все-таки Заклинский.

В редакции меня отговаривали делать с ним беседу. Доводы приводили разные: одни говорили, что он высокомерен и откажется, другие пугали тем, что он всех разыгрывает и меня разыграет тоже. Пусть, подумала я и подошла к нему после репетиции и предложила побеседовать. Он сразу согласился, в разговоре оказался приятно прост, серьезен, но действительно с безупречным чувством юмора, что еще более расположило к нему.

— Вас любят не только в вашем родном городе, но и с восторгом принимала Москва. О вас, говорят, снимают фильмы. А как вы сами объясните свою популярность?

— Я не думаю, что я очень популярен... Сниматься в фильмах Васильева, Белинского было очень интересно, и, надеюсь, может, еще пригласят. А фильмы обо мне да и съемки телевидения неудачны. Мне не нравится, как снимают на студии: ставят какие-то декорации и говорят: прыгать от и до. Я прошу — дайте мне большую сцену, чтобы было где танцевать. Куда там! А в театре мне кажется, что в своих партиях я надоел зрителю, что ему хочется чего-то нового, другого...

— Все же ваша творческая судьба сложилась достаточно удачно, не так ли?

— Да. Моя семья жила прямо напротив театра, и моя мама, которая очень любит балет, привела меня в хореографическое училище. Я в общем-то медленно, долго шел к тому, чтобы стать классическим танцовщиком. Начинать в кордебалете, учился у мастеров. Но мне этого было мало, и я стал ездить в Москву, чтобы ходить на уроки к Мессереру, наблюдать, как делали свои изумительные комбинации Владимирова, Васильева, Годунова. Меня завораживала их колоссальная творческая энергия.

Постепенно набирал репертуар. Очень долго танцевал с Галиной Мезенцевой. Практически с ней сделаны все классические спектакли. Я всегда помню эти годы. С ней не только интересно было танцевать, в ней есть нечто необыкновенное — удивительные руки, глаза, излучающие чувства. Както на «Жизели» смотрю — она будто потеряла сознание, словно неживая — до такой степени входила в образ. К сожалению, она ушла из театра. Потом я стал танцевать с женой — Алтынай Асылмуратовой. В общем, все хорошо.

— Ставили ли балеты специально для вас?

— Нет. Я тоскую хотя бы по какому-нибудь монологу, в котором можно выразить то, что накопилось в душе. Вот к нам в театр собирается приехать Ролан Пети, поставить «Кармен» и «Юношу и смерть». Это замечательно, но образы этих балетов уже сделаны Барышниковым, Нуреевым. И выходит, что надо их повторять. А хочется, чтобы образ был только твой...

— Но вас довольно часто приглашают выступать в престижных театрах Запада, вы довольны?

— Конечно. Но приглашают на те роли, в которых меня знают. Опять-таки классические. А мне хочется танцевать Бежара. Что хорошо в зарубежных театрах, так это постоянное обновление репертуара. Он меняется каждый год, и за 20—25 лет можно оттанцевать все лучшее в современном балете.

— Сейчас у нас все занято экономикой, политикой, ценами, продуктами, и в то же время существует балет — искусство, в общем-то, абстрактное. Влияет ли ситуация в стране на ваше творчество? Ну, скажем, когда вы танцуете «Лебединое озеро», вы от всего отрешаетесь?

— Я прихожу каждый день в театр, занимаюсь в классе и танцую свой спектакль, если он у меня есть. И вроде бы как все было, так и есть. Но, конечно, атмосфера влияет на настроение. Особенно когда происходит что-то страшное — насилие, убийства. Сжимается душа. На улице то толкнут, то нагрудят — люди стали злее, кругом грязь. А очереди все длиннее и длиннее, и стоят-то за самым элементарным. Жалко людей. Общее состояние от всего этого не может не отражаться на том, что делаешь на сцене.

— Да, жизнь у нас сейчас трудная, а что касается магазинов, транспорта, разбитых мостовых — просто унижительная. А у вас бывает желание остаться где-то в богатом и чистом западном городе?

— В общем, нет. У них там свой стиль, свои принципы, связанные с ежесекундными расчетами, к которым я не смогу привыкнуть. Здесь я дома, и все для меня родное. Мне нравится поехать в лес, побродить, подумать, как говорится, прийти в себя. Люблю ходить в Русский музей, где у меня есть свои любимые картины — они как бы заряжают своей внутренней энергией.

— Вы человек веселый, любите шутку — это черты вашего характера или способ разрядиться?

— Я просто не могу без этого. Если я не пошутил — день у меня испорчен. Иногда целый день кого-нибудь разыгрываю, а на следующий день... другого. В нашей жизни нельзя терять чувство юмора.

С. САМСОНОВА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

● К. Заклинский в балете Альбинони «Познание». (Хореография Б. Эйфмана).

Фото Н. Аловерт.

